

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2008 г. Б. Л. Зимненко¹

30 марта 1998 г. Российская Федерация Федеральным законом “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней” ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. с изменениями, внесенными Протоколами к ней № 3, 5, 8 и дополнениями, содержащимися в Протоколе № 2, и Протоколы к ней № 1, 4, 7, 9, 10, 11 (далее – Конвенция), и с 5 мая 1998 г., с момента передачи ратификационных грамот Генеральному секретарю Совета Европы, указанная выше Конвенция и соответствующие Протоколы к ней стали обязательными для Российской Федерации². Более того, согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ данный международный договор стал частью правовой системы России.

Как известно, одна из особенностей данного международного договора о правах и свободах человека заключается в том, что для обеспечения соблюдения международно-правовых обязательств, принятых на себя высокими договаривающимися сторонами по Конвенции, был учрежден Европейский Суд по правам человека (далее – Суд). Следует отметить, что в ходе своей деятельности при рассмотрении межгосударственных дел и дел, основанных на индивидуальных жалобах, Суд принимает решения о приемлемости и постановления по существу³. В связи с этим не только в теоретическом, но и в практическом плане возникают вопросы: какое место в правовой системе России занимают данные судебные акты, можно ли в настоящее время говорить о том, что решения и постановления Европейского суда по правам человека, принятые в отношении Российской Федерации, становятся источником внутригосударственного права России, иными словами, мож-

но ли говорить применительно к деятельности Суда о формировании прецедентного права в Российской Федерации?

Здесь необходимо подчеркнуть, что Конвенция наделила Европейский суд по правам человека компетенцией не только применять Конвенцию, но и осуществлять ее толкование (ст. 32 Конвенции), т.е. в рамках Совета Европы, под эгидой которого и была принята Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, право толковать и применять положения, содержащиеся в данном международном договоре, принадлежит исключительно Суду.

Как известно, при вынесении решения или постановления практически по каждому делу Суд для обоснования своей позиции ссылается на ранее вынесенные им (Судом) решения и постановления. В связи с тем, что к настоящему времени Европейский Суд по правам человека в отношении России рассмотрел по существу 22 дела, представляется возможным и необходимым привести выдержки из некоторых судебных актов, вступивших в силу для России на 1 января 2005 г.

Так, по делу *Бурдов против Российской Федерации* Европейский Суд по правам человека, констатируя, что несвоевременное исполнение судебного решения нарушает право на справедливое судебное разбирательство, сослался на постановление Суда от 19 марта 1997 г. по делу *Hornsby v. Greece*. Отметив, что по смыслу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции “требование” о взыскании денежных средств, содержащееся в национальном судебном решении, включается в понятие “собственности”, Европейский Суд по правам человека сослался на постановление от 9 декабря 1994 г. по делу *Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece* (п. 34, 40 постановления от 7 мая 2002 года по делу *Бурдов против Российской Федерации*)⁴.

По делу *Калашников против Российской Федерации* Суд для обоснования своей позиции по вопросу, насколько сроки предварительного и судебного следствий в отношении заявителя соот-

¹ Профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук.

² В соответствии со ст. 9 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод указанный Протокол вступил в силу для Российской Федерации 1 августа 1998 г.

³ Когда Европейский Суд по правам человека принимает судебный акт о приемлемости жалобы, такой судебный акт именуется решением (англ. – *decision*). В случае, когда Судом выносится судебный акт по существу, такой судебный акт именуется постановлением (англ. – *judgment*) (ст. 45 Конвенции).

⁴ См.: Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации. Сборник документов. М., 2003. С. 682–683.

ветствовали критерию разумности (п. 1 ст. 6 Конвенции), сослался, в частности, на постановление Суда от 10 декабря 1982 г. по делу *Corigliano v. Italy*, а также постановление Суда от 24 ноября 1993 г. по делу *Imbriosca v. Switzerland* (п. 124 постановления от 15 июля 2002 г. по делу *Калашиников против Российской Федерации*)⁵.

При рассмотрении дела *Посохов против Российской Федерации* Европейский суд, констатируя, что требование “законности”, закрепленное в п. 1 ст. 6 Конвенции, распространяется не только на институциональную основу деятельности Суда, но и непосредственно на судей, осуществляющих правосудие, обратился к решению Суда по делу *Buscarini v. San Marino* от 4 мая 2000 г. (п. 37 постановления от 4 марта 2003 г. по делу *Посохов против Российской Федерации*)⁶.

По делу *Смирнова против Российской Федерации* Суд, в частности, указал, что вопрос, являются ли сроки заключения лица под стражей разумными (п. 1 ст. 5 Конвенции), не может быть разрешен абстрактно, без оценки конкретных обстоятельств по делу. Продолжительное заключение под стражей может быть оправданно исключительно в том случае, когда по делу есть обстоятельства, имеющие общественное значение, которые, несмотря на презумпцию невиновности, обладают приоритетом над правом лица на личную свободу. Этими обстоятельствами могут быть, к примеру, реальная угроза обвиняемого, подсудимого скрыться от следствия, повлиять на ход следствия, а также угроза фальсификации доказательств, тайного сговора со свидетелями и т.д.

В постановлении от 24 июля 2003 г. по делу *Рябых против Российской Федерации* Европейский суд по правам человека подчеркнул, что п. 1 ст. 6 гарантирует каждому лицу, если речь идет о гражданских правах и обязанностях, право на рассмотрение его дела судом или трибуналом. Причем, право на доступ к правосудию, заключающееся в возможности возбудить судебную процедуру по гражданскому делу, является одним из элементов права на суд. Право на суд являлось бы иллюзорным, если бы правовая система государства — участника Конвенции позволяла не исполнять окончательное решение по делу в интересах одной из сторон. Было бы непостижимо, если бы п. 1 ст. 6, предусматривая критерии судебной процедуры — справедливость, публичность, законность, осуществление правосудия в разумные сроки, не гарантировал исполнение окончательного судебного решения. Толкование п. 1 ст. 6 таким образом, что данная статья касается только доступа к правосудию, осуществляемому с учетом вышеупомянутых критериев, привело бы к ситу-

ации, несовместимой с принципом верховенства права, который государства обязались соблюдать, ратифицируя Конвенцию. Для подтверждения данной позиции Европейский суд по правам человека сослался на постановление от 19 марта 1997 г. по делу *Hornsby v. Greece* (п. 55 постановления от 24 июля 2003 г. по делу *Рябых против Российской Федерации*). Более того, указанная правовая позиция была использована Судом вновь при рассмотрении по существу дела *Тимофеев против Российской Федерации*, когда Российская Федерация не исполняла на протяжении почти трех лет судебное решение о выплате компенсации за имущество, незаконно конфискованное вследствие осуждения заявителя (п. 40 постановления от 23 октября 2003 г. по делу *Тимофеев против Российской Федерации*).

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что в постановлении по делу *Рябых против Российской Федерации* Европейский Суд по правам человека впервые в своей практике сформулировал правовую позицию, согласно которой право лица на суд было бы иллюзорным, если правовая система государства предоставляет возможность вышестоящему суду отменить окончательное и обязательное решение по делу на основании заявления государственного чиновника (п. 55–56 постановления от 24 июля 2003 г. по делу *Рябых против Российской Федерации*). Указанное обстоятельство необходимо принять во внимание, так как Европейский Суд по правам человека фактически дал негативную оценку надзорному порядку по гражданским делам, который, как известно, продолжает существовать в гражданском и арбитражном процессах России (гл. 41 Гражданского процессуального кодекса РФ, гл. 36 Арбитражного процессуального кодекса РФ).

В постановлении от 29 января 2004 г. по делу *Кормачева против Российской Федерации*, касающемуся неоправданной задержки в рассмотрении трудового дела, Европейский Суд по правам человека отметил, что именно на государстве лежит ответственность за организацию своей правовой системы таким образом, чтобы суды могли гарантировать каждому лицу принятие окончательного решения в течение разумных сроков, когда речь идет о гражданских правах и обязанностях. Государству предоставляются широкие возможности в отношении того, каким образом создать такую систему. Если государство позволяет судебному разбирательству продолжаться сверх разумных сроков, гарантируемых п. 1 ст. 6 Конвенции, не предпринимая каких-либо действий для исправления ситуации, то государство должно быть ответственно за такое упущение.

Как видно, при вынесении решения или постановления по делу Европейский Суд по правам человека для подтверждения, обоснования своей

⁵ См.: Росс. газ. 2002. 19 окт.

⁶ См.: Росс. газ. 2003. 8 июля.

позиции по делу ссылается на ранее принятые им решения и постановления, поэтому возникает справедливый вопрос, возможно ли в данном случае говорить о прецедентном праве Суда.

Известно, что родиной “судебного прецедентного права” является Великобритания. Под судебным прецедентом, в частности, понимаются решения высших судов, имеющие обязательную силу для них самих и нижестоящих судов⁷.

С. К. Загайнова применительно к правовой системе Великобритании подчеркивает, что “судебный прецедент как источник права обладает следующими признаками: 1) выносится при разрешении конкретного дела; 2) содержит в себе правовую норму, вследствие чего нижестоящие суды ссылаются на него в своих последующих решениях; 3) обязателен для применения всеми судебными инстанциями...”⁸.

Профессор А. Б. Венгеров указывал, что “в некоторых правовых системах существует механизм, который может превращать некоторые решения судебных органов высокого уровня в судебный прецедент, то есть в соответствующую норму права, которой надо следовать так же, как и закону... Возникает прецедентное право, наряду с правом статутным”⁹.

Таким образом, один из необходимых признаков, свойств судебного прецедента как источника права заключается в том, что такой прецедент должен содержать правовую норму, т.е. общеобязательное правило поведения, обеспечиваемое принудительной силой государства (если речь идет о национальных правовых нормах). Можно ли утверждать, что решения и/или постановления Европейского Суда по правам человека содержат правовую норму? Представляется, что на этот вопрос необходимо дать отрицательный ответ.

Европейский Суд по правам человека не создает правовых норм, а применяет нормы, содержащиеся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также в Протоколах к ней. Суд занимается не правотворческой, а правоприменительной деятельностью. Более того, как было отмечено выше, Конвенция непосредственно наделяет Суд полномочием именно применять конвенционные положения, а не создавать новые нормы права (ст. 32 Конвенции).

Правотворческая деятельность Суда противоречила бы не только Конвенции, являющейся уставным (учредительным) документом Европейского Суда по правам человека, но и общепризнанному принципу международного права – су-

веренного равенства государств, который, в частности, включает право каждого государства пользоваться правами, присущими полному суверенитету. Последнее означает, что в своих взаимных отношениях государства должны уважать различия в историческом и социально-политическом развитии, разнообразии позиций и взглядов, внутренние законы и административные правила, право определять и осуществлять по своему усмотрению и согласно международному праву отношения с другими государствами¹⁰. Нормы международного права формируются прежде всего в процессе взаимоотношений между государствами. Норма международного права может обязывать государство только в том случае, если последнее выразит свое согласие в отношении данного правила поведения. Как справедливо отмечал Г.И. Тункин, “в международных отношениях нет органа, подобно законодательному органу государства, который издавал бы обязательные для государств, как основных субъектов международного права, правовые нормы. Одной из важных особенностей международного права является то, что его нормы создаются самими субъектами этой системы права”¹¹.

Если даже предположить, что Европейский Суд по правам человека создает правовые нормы, то последние не должны являться обязательными для государств – участников Конвенции, так как государства, ратифицируя Конвенцию и Протоколы к ней, четко выразили свое согласие на обязательность только тех положений, которые содержатся в данных международно-правовых актах, и в частности в отношении положений, предусматривающих именно правоприменительную деятельность Суда. Судьи Европейского Суда по правам человека согласно Конвенции не вправе создавать нормы права, которые обязывали бы государства.

Необходимо отметить, что в своих решениях и постановлениях Европейский Суд по правам человека, ссылаясь на ранее вынесенные им судебные акты, использует словосочетание “the case-law”. Словосочетание “the case-law” переводится как “прецедентное право”¹². Однако, как свидетельствует практика, Суд в своих решениях и постановлениях использует также и понятие “jurisprudence”, которое переводится, в частности, как “судебная практика”¹³. Представляется, последнее понятие в большей степени соответствует

⁷ См.: Правовые системы стран мира. М., 2000. С. 107.

⁸ Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002. С. 54.

⁹ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1998. С. 418.

¹⁰ См.: Международное право / Под ред. В.И. Кузнецова. М., 2001. С. 125–126.

¹¹ Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2000. С. 75.

¹² См.: Большой англо-русский словарь. Т. 1 / Под ред. Ю.Д. Апресяна и Э.М. Медниковой. М., 1997. С. 328.

¹³ См.: там же. Т. 2. С. 290.

смыслу и значению практики Европейского Суда по правам человека.

Таким образом, решения и постановления Европейского Суда по правам человека являются результатом правоприменительной, а не правотворческой деятельности Суда, и поэтому данные судебные акты не могут содержать каких-либо правовых норм. В связи с этим необоснованно говорить о существовании прецедентного права Суда. Суд при рассмотрении дела вправе только констатировать, было ли допущено нарушение со стороны государства Конвенции или Протоколов к ней, и в случае констатации такого нарушения вправе присудить заявителю справедливую компенсацию.

Следовательно, решения и постановления Европейского Суда по правам человека, принятые в отношении Российской Федерации, не являются источником внутригосударственного права России, так как, в частности, не содержат правовых норм.

Представляется, что применительно к деятельности Суда возможно говорить о создании Судом не правовых прецедентов, закрепляющих нормы права, а прецедентов толкования. Как было отмечено выше, Суд наделен Конвенцией возможностью не только применять соответствующие международные договоры, но и толковать правовые нормы, содержащиеся в этих документах. Профессор А.Б. Венгеров подчеркивал: “В теории права, кроме судебного прецедента, выделяются и прецеденты толкования правовых норм. Этот результат возникает в процессе толкования правовых норм судебными органами. Прецедент толкования несколько отличается от судебного прецедента своей ориентацией на логические проблемы содержания того или иного закона”¹⁴.

Применение международных договоров неразрывно связано с их толкованием. Под толкованием норм международного права понимается выяснение содержания нормы, ее целей с учетом результатов ее применения в конкретной ситуации¹⁵. Как справедливо отмечал венгерский проф. Д. Харати, “толкование имеет своей целью разъяснение смысла текста договора, тогда как применение предполагает установление последствий, вытекающих для сторон”¹⁶. Перед тем как применить то или иное положение, содержащееся в тексте Конвенции, Европейский Суд по правам человека должен истолковать соответствующую норму международного права, уяснить, в частности, ее смысл, дух, нормативное со-

держание. Конвенция содержит понятия, нормативный объем которых можно определить только посредством толкования, осуществляемого Европейским Судом по правам человека. К примеру, что понимается под “пытками, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением” по ст. 3 Конвенции, что понимается под “гражданскими правами и обязанностями” и “уголовным обвинением” в свете ст. 6 Конвенции, а также под “частной жизнью” по ст. 8 Конвенции, что включается в понятие собственности, защищаемой ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

В результате толкования Судом конвенционных положений складываются правовые позиции, которые помогают Суду в дальнейшем более эффективно и оперативно рассматривать дела. Как справедливо подчеркивает В.А. Туманов, за правовыми позициями “скрываются сложившиеся в правоприменительной практике установки, из которых исходят при рассмотрении конкретных дел; подтвержденные многократным применением толкования правовых понятий и норм, критерии, выработанные практикой для рассмотрения определенных категорий дел”¹⁷.

Статья 3 Конвенции, запрещающая, в частности, подвергать кого-либо бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, не раскрывает, что следует понимать под “бесчеловечным обращением или наказанием”. В ходе рассмотрения ряда дел Европейский Суд по правам человека определил, что понятие “бесчеловечное обращение” включает в себя по крайней мере такие действия, которыми умышленно причиняются сильные страдания, нравственные или физические, что в данной ситуации является неприемлемым¹⁸.

Представляется, что правовые позиции, возникающие вследствие применения Судом Конвенции и Протоколов к ней, можно подразделить на две категории, вида – материальные и процессуальные (процедурные) правовые позиции. Если Европейский Суд по правам человека в ходе толкования раскрывает нормативное содержание конвенционных положений, то в этом случае речь идет о материальным правовым позициям. К примеру, в ходе неоднократного применения ст. 6 Суд применительно к понятию “гражданских прав и обязанностей” выработал правовую позицию, согласно которой указанное понятие носит автономный характер. Законодательство, на основании которого решается вопрос о правах и обязанностях (гражданское, коммерческое, административное и т.д.), и орган, на который возложены полномочия по разрешению спора, не име-

¹⁴ Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 421.

¹⁵ Лукашук И.И., Лукашук О.И. Толкование норм международного права. Учебное пособие для вузов. М., 2002. С. 14.

¹⁶ Цит. по: Талалаев А.Н. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. М., 1997. С. 80.

¹⁷ Туманов В.А. Указ. соч. С. 106–107.

¹⁸ См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 3. Запрещение пыток. М., 2002. С. 16.

ют большого значения (п. 94 постановления от 16 июля 1971 г. по делу *Рингейзен против Австрии*). Ключевым моментом в определении того, применима или нет ст. 6, является, имеет ли результат судебного разбирательства определяющее значение для частных прав и обязанностей.

Осуществляя толкование понятия “частной жизни”, предусмотренного в ст. 8 Конвенции, Суд, в частности, исходит из следующей правовой позиции: было бы непозволительно ограничить понятие “частной жизни” внутренним кругом, в котором может жить отдельный человек своей личной жизнью, которую он выбирает, и исключить оттуда целиком внешний мир, не входящий в этот круг. Уважение к личной жизни должно также включать определенный набор прав для установления и развития взаимоотношений с другими аспектами жизни человека.

Однако, если в ходе неоднократного применения конвенционных положений у Суда вырабатывается алгоритм (процедура) применения соответствующей статьи, то в этом случае речь идет о процессуальной правовой позиции. К примеру, применяя ст. 8 Конвенции (право на уважение частной и семейной жизни), Европейский Суд по правам человека в первую очередь изучает, идет ли речь о праве, гарантируемом Конвенцией, было ли осуществлено вмешательство в данное право. Затем Суд анализирует, насколько вмешательство было законным, т.е. соответствовало правовым нормам, действующим в правовой системе соответствующего государства. В-четвертых, Суд обращает внимание на то, преследовало ли такое вмешательство законную (общественную) цель, непосредственно предусмотренную в тексте ст. 8 Конвенции. И, в-пятых, Суд определяет, насколько необходимо было вмешательство с учетом конкретных обстоятельств дела. Данный алгоритм действий Суда имеет большое практическое значение. Если при ответе на какой-либо вопрос (за исключением первых двух), указанный выше, Судом дается отрицательный ответ, то констатируется факт нарушения государством прав, гарантируемых в данном случае ст. 8 Конвенции.

Таким образом, вследствие толкования Европейским Судом по правам человека Конвенции и Протоколов к ней образуются не правовые нормы, а правовые позиции (прецеденты толкования), формой существования которых являются решения и постановления Суда.

В связи с принятием Судом решений и постановлений в отношении России возникает вопрос, формируют ли соответствующие судебные акты правовую систему России.

Как было подчеркнуто выше, право формировать, определять национальную правовую систему принадлежит исключительно государству.

Иные государства и международные организации обязаны уважать это суверенное право. Только государство вправе определять, какие элементы, составные части формируют его национальную правовую систему. К примеру, посредством п. 4 ст. 15 Конституции Российская Федерация четко определила, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Следует сразу подчеркнуть, что решения и постановления Европейского Суда по правам человека не являются международным договором РФ и тем более не содержат общепризнанных принципов и норм международного права. Но объем правовой системы России определяется не только Конституцией, но и иными источниками национального права России. Поэтому необходимо обратить внимание на ст. 1 Федерального закона РФ “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней” от 30 марта 1998 г., согласно которой “Российская Федерация в соответствии со ст. 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации”¹⁹.

Закон признает обязательной для России юрисдикцию Суда по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней.

Как следует из содержания вышеупомянутого Закона, последний имплементировал (включил) в правовую систему не любые судебные акты, принятые Европейским Судом по правам человека, а только такие, которые отвечают определенным критериям.

Во-первых, судебный акт должен быть принят в отношении Российской Федерации, т.е. ответчиком по делу должна являться Российская Федерация. Если по рассматриваемому делу Российская Федерация выступает в качестве третьего лица (ст. 36), то судебный акт, принятый в данном случае, не станет частью правовой системы России²⁰.

Во-вторых, судебный акт должен устанавливать факт нарушения Конвенции и/или Протоколов Российской Федерацией. Данный критерий имеет важное значение. Как было подчеркнуто выше, Европейский Суд по правам человека, рас-

¹⁹ См.: Собрание законодательства РФ 1998. № 14. Ст. 1514.

²⁰ См., к примеру, постановление Европейского Суда по правам человека по делу *Сливенко против Латвии* от 9 октября 2003 г., где Российская Федерация выступила в качестве третьего лица на стороне заявителей, являющихся гражданами России.

смаывая дело, принимает два вида судебных актов – решение о приемлемости и постановление. Констатация Судом факта нарушения государством – участником Конвенции закрепляется исключительно в постановлениях. Поэтому решения о приемлемости, принятые Судом даже в отношении России, согласно Закону не являются обязательными для России и, следовательно, не являются частью ее правовой системы. Более того, не каждое постановление Суда, принятое по делу, где в качестве ответчика выступает Российская Федерация, является частью правовой системы, а только такое постановление, где Судом констатирован факт нарушения Россией конвенционных положений.

В-третьих, постановление Европейского Суда, вынесенное против Российской Федерации, где констатирован факт нарушения Россией Конвенции и/или Протоколов к ней, должно вступить в законную силу. Данный критерий не предусматривается в Законе, однако данное положение непосредственно следует из содержания Конвенции, согласно ст. 44 которой постановление любой из палат становится окончательным, если: а) стороны не заявляют, что они будут просить о передаче дела в большую палату; или б) по истечении трех месяцев с даты вынесения постановления не поступило обращения о передаче дела в большую палату; или с) коллегия большой палаты отклоняет обращение о передаче дела в большую палату.

Таким образом, с учетом вышеуказанных критериев, из 22 постановлений, вынесенных Европейским Судом по правам человека в отношении Российской Федерации, на 1 января 2005 г. частью правовой системы России стали восемь – постановление от 7 мая 2002 г. по делу *Бурдов против Российской Федерации* (вступило в силу 4 сентября 2002 г.), постановление от 15 июля 2002 г. по делу *Калашников против Российской Федерации* (вступило в силу 15 октября 2002 г.), постановление от 4 марта 2003 г. по делу *Посохов против Российской Федерации* (вступило в силу 4 июня 2003 г.), постановление от 24 июля 2003 г. по делу *Смирнова против Российской Федерации* (вступило в силу 24 октября 2003 г.), постановление от 24 июля 2003 г. по делу *Рябых против Российской Федерации* (вступило в силу 3 декабря 2003 г.), постановление от 23 октября 2003 г. по делу *Тимофеев против Российской Федерации* (вступило в силу 23 января 2004 г.), постановление от 28 октября 2003 г. по делу *Ракевич против Российской Федерации* (вступило в силу 24 марта 2004 г.), постановление от 29 января 2004 г. по делу *Кормачева против Российской Федерации* (вступило в силу 14 июня 2004 г.).

Постановления Европейского Суда по правам человека, одновременно отвечающие вышеупо-

мянутым критериям, не только являются обязательными для Российской Федерации, но и формируют ее правовую систему. Причем данная обязательность носит как международное, так и национально-правовое значение.

Международно-правовой аспект обязательности постановлений Европейского суда по правам человека закреплен в ст. 46 Конвенции, согласно которой “1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, где они являются сторонами. 2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету Министров, который осуществляет надзор за его исполнением”. Как известно, за всю историю Европейского Суда по правам человека не было ни одного неисполненного окончательного постановления.

Национально-правовой аспект обязательности постановлений Суда, закрепляется в источниках национального права государств – участников Конвенции и Протоколов к ней. Следует отметить, что данный аспект обязательности непосредственно связан с местом и значением постановлений Суда в рамках правовой системы России.

Применительно к Российской Федерации основным документом является уже вышеупомянутый Закон о ратификации Конвенции. Как следует из его содержания, постановления Европейского Суда по правам человека, содержащие нарушения Россией Конвенции и/или Протоколов, обязательны в рамках правовой системы России по вопросам толкования и применения соответствующих международно-правовых актов. Государственные и муниципальные органы Российской Федерации должны не только исполнять постановление Суда, если на них возложена такая обязанность национальным законодательством, но и в своей деятельности руководствоваться Конвенцией с учетом правовых позиций, зафиксированных Судом в постановлениях против Российской Федерации. Особенно данный вывод важен для судебной системы России.

Так, в постановлении от 15 января 2002 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 64 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и ст. 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ” Конституционный Суд РФ отметил, что, “как видно из состоявшихся судебных решений по делу А.М. Траспова, окружная избирательная комиссия и суды не обеспечили своевременную и эффективную защиту пассивного избирательного права заявителя, в результате чего он был неправомерно лишен возможности участвовать в выборах в качестве кандидата в де-

путаты. Между тем решение суда должно служить средством эффективной защиты нарушенного права: в силу ст. 6 Федерального конституционного закона “О судебной системе Российской Федерации” и п. 3 ст. 63 ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” судебное решение является обязательным, в том числе для избирательных комиссий, и служит достаточным основанием для регистрации (восстановления регистрации), не требуя какого бы то ни было подтверждения с их стороны. Такой подход, основанный на принципах самостоятельности судебной власти и обеспечения правосудием прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на судебную защиту (ст. 10, 18 и 46, ч. 1 Конституции РФ), корреспондирует толкованию, которое дается Европейским Судом по правам человека праву на доступ к суду и принципу справедливого правосудия, закрепленным в п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Решения и постановления Европейского Суда по правам человека выносятся на английском или французском языках. Принимая во внимание, что судопроизводство в Российской Федерации осуществляется на русском языке (ст. 9 ГПК РФ, ст. 12 УПК РФ, ст. 12 АПК РФ), то решения и постановления Суда, которые используются при осуществлении правосудия в России, должны быть переведены на русский язык. Причем, если суд Российской Федерации в своем решении ссылается на судебный акт, принятый Европейским Судом по правам человека, как на документ, содержащий правовые позиции (прецеденты толкования), то в этом случае достаточно обычного перевода без удостоверения подписи переводчика нотариусом. Однако если суд Российской Федерации возобновляет производство по делу по вновь открывшимся обстоятельства в связи с принятием Европейским Судом по правам человека постановления, то в этом случае требуется перевод соответствующего постановления Суда, сопровождающийся процедурой удостоверения подписи переводчика нотариусом.

В практике судов Российской Федерации может возникнуть вопрос о необходимости проставления апостиля на постановлениях Европейского Суда по правам человека, принятых в отношении России. Можно предположить, что условия о необходимости проставления апостиля на таких документах не должны выполняться по крайней мере по трем основаниям.

Во-первых, процессуальное законодательство Российской Федерации (ст. 408 ГПК РФ, ст. 255 АПК РФ) предусматривает, что документы, составленные или удостоверенные в соответствии с иностранным правом по установленной форме

компетентными органами иностранных государств вне юрисдикции Российской Федерации, принимаются судами в Российской Федерации при наличии легализации указанных документов или проставления апостиля, если иное не предусмотрено международным договором. Европейский Суд по правам человека является органом международной межправительственной организации – Совета Европы. Иными словами, Суд не представляет собой органа иностранного государства. Поэтому по формальным основаниям нет необходимости легализовывать или проставлять апостиль на соответствующих документах.

Во-вторых, как было отмечено выше, Федеральный закон “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней” уже включил в правовую систему России постановления Суда, отвечающие определенным требованиям.

В-третьих, обстоятельства, содержащиеся в постановлениях Европейского Суда по правам человека, можно рассматривать в качестве общеизвестных (ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ), не требующих доказательств.

Следовательно, в отношении постановлений Европейского Суда по правам человека не требуется соблюдения как ст. 408 ГПК РФ, ст. 255 АПК РФ, так и Гаагской конвенции 1961 г., отменяющей требование легализации иностранных официальных документов. Суды Российской Федерации при осуществлении правосудия вправе непосредственно руководствоваться постановлениями Европейского Суда по правам человека, отвечающими вышеупомянутым требованиям.

Известно, что правовые позиции Суда находят свое закрепление в решениях о приемлемости, постановлениях, принимаемых в отношении других государств – участников Конвенции. Однако, как было отмечено выше, эти судебные акты не формируют правовую систему России, а поэтому не являются обязательными для государственных и муниципальных органов России. Однако данные органы власти в своей деятельности могли бы руководствоваться такими решениями и постановлениями и закрепляемыми в них правовыми позициями, принимая во внимание их прецедентный характер, а также руководствуясь общепризнанным принципом международного права – добросовестным выполнением международных обязательств, предусмотренным, в частности, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 г.